

$$\begin{array}{r} \text{E} \quad 58 \\ \hline 102 \end{array}$$

НЕ КОПИРОВАТЬ

НЕ КОПИРОВАТИ

НАРОДНЫЯ
ПОЭТИЧЕСКІЯ
ПРЕДСТАВЛЕНІЯ РАДУГИ.

СТАТЬЯ А. Н. АѦАНАСЬЕВА.

ВОРОНЕЖЪ.
Въ Типографіи В. Гольдштейна.
1865.

НАРОДНЫЯ
ПОЭТИЧЕСКІЯ

ПРЕДСТАВЛЕНІЯ РАДУГИ.

Статья А. Н. АѢанасьева.

В О Р О Н Е Ж Ъ.
Въ Типографіи В. Гольдштейна.
1865.

Перепечатано изъ I вып. Филологическихъ Записокъ
1865 г.

2007053953

Н А Р О Д Н Ы Я

ПОЭТИЧЕСКІЯ ПРЕДСТАВЛЕНІЯ РАДУГИ.

Блестящая яркими, великолѣпными красками, радуга должна была особенно—сильно поражать поэтически—настроенную фантазію первобытныхъ народовъ. На ряду съ другими небесными явленіями и за нею былъ признанъ священный, божественный характеръ,—и какъ въ природѣ радуга сопровождаетъ лѣтнія грозы и проливные дожди, напаяющіе воздухъ влагою, то понятно, что и въ народныхъ сказаніяхъ она поставляется въ тѣсную связь съ богомъ—громовникомъ. По различію впечатлѣній, производимыхъ ею на глазъ, поэтическая фантазія древняго человѣка сближала радугу съ разнообразными предметами; но сближенія свои постоянно основывала на дѣйствительномъ сходствѣ формъ и признаковъ.

а) *Радуга* = *лукъ*, *дуга*, *арка*. По мифическому представленію древнихъ Индѣйцевъ, радуга есть боевой *лукъ* Индры, съ котораго этотъ богъ-громовержець пускаетъ свои молніеносныя стрѣлы, поражая демоновъ тьмы (=тучи); отсюда обыкновенный эпитетъ Индры *gôpatîcāra* т. е. господинъ или владыка, держащій *лукъ* (*gôpatih*—пастухъ, господинъ, правитель, слово сложное изъ *gô*—корова и *patih*—господинъ; Индрѣ присвоено это названіе не

только въ переносномъ значеніи *владыки*, но и въ первоначальномъ смыслѣ *пастуха*, потому что онъ хранитъ небесныхъ коровъ=дождевыя тучи, и доитъ ихъ своими молніями; *сѣра*—*лукъ*). Когда радуги не видно, думали, что Индра держитъ свой лукъ не натянутымъ; показывается радуга—значитъ—богъ натягиваетъ свой лукъ, вступая въ битву съ враждебными силами. (1) Воззрѣніе это составляетъ общее достояніе почти всѣхъ народовъ Индо-европейской семьи. Литовцы, между прочими именами, придаваемыми радугѣ, называютъ ее *kilpinnis dangaus*, т. е. небесный лукъ (2). Въ нашихъ древнѣйшихъ памятникахъ она обозначается словомъ *дѣга*; такъ называется радуга въ Святославовомъ изборникѣ 1073 года (3) и въ переводѣ Библии: «*дугу мою полагаю во облацѣ*» (4). Въ Архангельской губерніи доселѣ зовутъ ее: *божія дуга* (5), Поляки—*dega*, Сербы, Болгары и Чехи—*дуга*, Кroatы—*luk nebeski* (6). Слово *дуга* указываетъ на согнутую линію; у насъ оно употребляется для обозначенія части круга и упряжнаго снаряда, у Сербовъ—согнутой для бочки доски; *дужка*—полукруглая рукоятка, перевесло (у ведра, корзины, посуды) и ключица, соединяющая грудную кость съ плечевою (7). Отсюда справедливо будетъ заключить, что слово *дуга* въ древнѣйшій періодъ языка было синонимическимъ *луку* (*излучина*—*кривизна*, *лукоморье*—*изгибъ морскаго берега*, *лукавой*—*криводушный*), и въ отношеніи радуги имѣло тождественное съ нимъ значеніе, по-

(1) Germanische Mythen, von Mannhardt, т. 1, стр. 107; Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung, 1853 г., вып. VI, статья Потта, стр. 425—8; Учен. Зап. II Отдѣл. Имп. Акад. Наукъ, кн. VII, вып. 2, стр. 38.

(2) Deut. Mythol., Гримма стр. 695.

(3) Матеріалы для исторіи письменъ, изд. Моск. Университ., статья Буслаева, стр. 8.

(4) Матеріалы для сравнит. словаря и грамм., т. IV, стр. 234.

(5) Зап. Рус. Географ. Общ., кн. IV, стр. 132.

(6) Radices linguae Slov. Миклошича, стр. 27.

(7) Толков. Словарь Даля, т. I, стр. 445.

добно тому какъ Латин. *arcus* означаетъ: и лукъ, съ котораго пускають стрѣлы, и выведенную дугою перемычку (сводъ), и радугу. У Французовъ радуга называется *arc-en-ciel* или *arc-dieu*, а у Нѣмцевъ *regenbogen* (послѣдняя часть слова употребляется въ смыслѣ дуги, излучины, свода и лука), т. е. дождевая дуга или дождевой лукъ. Поттъ сообщаетъ еще названіе: *schwibbogen* т. е. висячая въ воздухѣ арка, дуга или лукъ. Наши преданія даютъ Перуну съ молніеносными стрѣлами и огненный лукъ; доселѣ уцѣлѣвшая въ народѣ поговорка: «ахъ, ты, радуга-дуга! ты убей мужика» ⁽¹⁾ ясно намекаетъ на древнѣйшее представленіе радуги—Перуновымъ лукомъ, съ котораго пускались смертоносныя стрѣлы. Болгарская загадка такъ изображаетъ радугу:

Сѣди мома на небе

Сѣсь шарено герданче

Та си *точи мѣдна стрѣла*,

Да я пусти въ мишинъ доль. ⁽²⁾

Финны также признають радугу лукомъ бога громовъ, молній и дождей—*taiwancaari* (*arcus coelestis*); Укко мечетъ съ этого огромнаго, блестящаго (огненнаго) лука свои мѣдныя или пламенныя стрѣлы. Призывая на голову враговъ погибель, Финны молятъ бога Укко, чтобы онъ взялъ свой лукъ, наложилъ на него стрѣлу и поразилъ бы на смерть названнаго супротивника ⁽³⁾. Также карательная сила выражается и въ Литовскомъ названіи радуги *воздушною розгою*—*ũgorykszte* (*wetterruthe*) и въ повѣрьи Эстовъ, которые видятъ въ ней пожинаящій *серпъ* громовника ⁽⁴⁾.

⁽¹⁾ Москвит. 1841, № 7, стр. 258, статья Борисова.

⁽²⁾ Изъ рукописн. Сборника г. Каравелова. Въ Курской губ. радугу называютъ *градовница* (Опытъ Обл. Великор. Слов., стр. 41); сравни Санскр. *hrâd—sonage*, Латин. *grando*, наше *градъ* (*Radices linguae Sloven.*, стр. 19.).

⁽³⁾ Учен. Зап. Акад. Наукъ 1852, ч. IV, стр. 512—3; *Deut. Myth.*, Гримма, стр. 696.

⁽⁴⁾ *Deut. Myth.*, стр. 695; Черты изъ жизни и исторіи Литовскаго народа, стр. 70.

Не можетъ быть сомнѣнія, что слово *ра-дуга* есть сложное, и первая половина его есть только характеристическій эпитетъ, соединяемый съ этою небесною дугою; въ областномъ говорѣ (Тверск. губ.) слово это произносится *рай-дуга* (1). Протоіерей Павской сближалъ Русское названіе *радуга* съ Англійскимъ *rainbow* и Нѣмецкимъ *regenbogen*, хотя и не подкрѣпилъ своего мнѣнія достаточными лингвистическими соображеніями (2). Первая часть слова—*ра*, по нашему мнѣнію, стоитъ въ родствѣ съ Санскр. кореннымъ звукомъ *г* (настоящ. *agām i—ige*, *procedere*), заключающимъ въ себѣ понятіе быстрого движенія, равно прилагаемое и къ свѣту, и къ текучей водѣ, къ бѣгу коня и полету птицы; отсюда *ага*—быстрый, *аг*—вѣстникъ, *агван*—конь и эпитетъ солнца, Чешск. *оръ*—конь, Литовск. *аgelis*—орелъ, наше *рвать*—летать и *ринуть*—стремительно бросить; Санскр. *г* и Зендск. *г* и *h*—течь, Санскр. *г* и *d*—плакать, *рыдать*, Нѣмецк. *г* и *п* *ен* (3). Отсюда понятно, что *Ра*, древнѣйшее имя *Волги*, означаетъ собственно: текучую воду, рѣку (*rivus*); сравни: Сибирск. *ра́-горокъ*—холмъ, курганъ *на радникъ*, Арханг. *ра́да*—мокрое мѣсто въ лѣсу (4). Такимъ образомъ *радуга* первымъ своимъ слогомъ соотвѣтствуетъ Нѣмецкому *regen*, и означаетъ водоносную, дождевую дугу. Согласно съ лингвистическими данными Греческій мифъ представляетъ Ирису (*Ἴρις*)—быстролетною, крылатою *вѣстницею* Зевса. Въ Литовскомъ преданіи о потопѣ радуга является *вѣстницею*, посланною божествомъ (Прамжинасъ) утѣшить престарѣлую чету людей, которая спаслась отъ наводненія, и научить ее, какъ создать себѣ потомство (5); въ Греческомъ сказаніи о Девкалионовомъ потопѣ роль эта дается вѣстнику боговъ Гермесу. Древнее представленіе «радуги» небеснымъ лукомъ, затемнившееся съ тече-

(1) Опытъ Обл. Слов., стр. 188.

(2) Отеч. Зап. 1852 г., № 4, Критика, стр. 74.

(3) Извѣст. Акад. Наукъ по II Отдѣлу, т. IV, стр. 333—5.

(4) Опытъ Обл. Велик. Словаря, стр. 186.

(5) Deut. Myth., Гримма, стр. 545.

ніемъ времени въ этомъ общепринятомъ ея названіи, народъ подновляетъ прибавкою къ нему слова *дуга*: «ахъ, ты, радуга-дуга!» Такое подновленіе очень обыкновенно въ эпическомъ языкѣ; такъ напр. говорятъ: *бѣлый свѣтъ*, *бѣлая лебедь*, хотя «свѣтъ» и «лебедь» и безъ того знаменуютъ бѣлый цвѣтъ.

Близкая связь радуги съ дождемъ выразилась въ слѣдующемъ мифическомъ сказаніи, какое существовало еще у Римлянъ ⁽¹⁾ и какое можно услышать отъ поселянъ повсюду на Руси: радуга беретъ или пьетъ изъ земныхъ озеръ, рѣкъ и колодцевъ воду и потомъ, въ видѣ дождя, посылаетъ ее обратно на землю ⁽²⁾. Малороссы говорятъ: «*весѣлка* воду бере» т. е. показалась радуга ⁽³⁾, или: «*весѣлка-красна пани з' криници* воду бере» ⁽⁴⁾. Название *веселка* (*весѣлка*, *веселуха*, *висялуха*) ⁽⁵⁾ означаетъ: висящая (на воздухѣ). Въ Харьковской губ. рассказываютъ, что радуга есть *труба*, однимъ концомъ касающаяся неба, а другимъ опущенная въ какой-нибудь колодець, изъ котораго Царица Небесная тянетъ воду. Иные утверждаютъ, что есть три ангела: одинъ подымаетъ обоими концами радуги, которая представляется пустымъ внутри *насосомъ*, воду изъ рѣкъ; другой ангелъ образуетъ изъ этой воды облака, а третій, разрывая ихъ, творитъ дождь ⁽⁶⁾. Въ рукописи XV столѣтія, извѣстной подъ названіемъ «Матица Златая», читаемъ: «си же оубо доуга повелѣніемъ Божіимъ събираетъ воду морскою *аки в мехъ*» ⁽⁷⁾. Въ апокрифической бесѣдѣ Елифа-

(1) Deut. Myth., стр. 695: «bibit arcus, pluet hodie».

(2) Владим. Губ. Вѣдом. 1844, № 52; Полтавск. Губ. Вѣдом. 1845, № 24.

(3) Малоросс. Словарь Чужбинскаго, стр. 27.

(4) Учен. Зап. II Отдѣл. Акад. Наукъ, кн. VII, вып. 2, стр. 38.

(5) Опытъ Обл. Слов., стр. 24, 26.

(6) Статист. описаніе Саратовск. губ., ч. I стр. 58; Отечеств. Зап. 1842, № 6. стат. Мельникова, стр. 51.

(7) Историч. Христом. Буслаева, стран. 690.

нія съ Св. Андреемъ (по Соловецкой рукописи) сказано: «дугу мою поставлю, рече Богъ, на облацѣхъ. Да и дуга бо повелѣніемъ Божиимъ собираетъ морскую воду, какъ въ *мъхи*, и наливаетъ облачной воды (ниже: «наполняя облаки водой, яко же и *губу*»). Да егда повелитъ Богъ вдати дождь на землю, восходитъ шумъ изъ трубы дужной (радужной), а той духъ есть бурень вельми и смущающаяся; да какъ духъ начнетъ *раздирати облаки, уготовати путь водъ и проливати ю* въ ширину вданому тому облаку, да тѣмъ путемъ великимъ *скрежетъ сотворится: сей скрежетъ челоуьцы навькли называти зромомъ...* да тако пушаетъ, отверзаетъ сокровище водокровно. Не о себѣ сами ти облацы дожди даютъ, а владыка Богъ ангель (-овъ) къ нимъ приставилъ есть, да ихъ направляють и на всю тварь небесную» (1). Подобное воззрѣніе на радугу раздѣляется почти всеми Славянскими племенами: у Словаковъ есть поговорка: «*rije ako duha*»; о Польскомъ повѣрьи скажемъ ниже (2). Болгары думаютъ, что «дѣга» спускается въ рѣку, сосетъ изъ нея воду для дождей, и на томъ мѣстѣ, гдѣ сосетъ, оставляетъ серебряную чашу (3). Кашубы вѣрятъ, что радуга (*tağa*) пьетъ воду изъ моря, озера или болота, и передаетъ ее облакамъ; отъ того, по ихъ мнѣнію, она предвѣщаетъ дождь (4). И въ нашихъ деревняхъ и селахъ до сихъ поръ слышатся такія причитанья, обращенныя къ радугѣ: «радуга-дуга! не давай (или: перебей)

(1) Шапова, Историч. очерки народн. міросозерцанія и суевѣрія, стран. 7.

(2) Учен. Зап. II Отдѣл. Акад. Наукъ, кн. VII, вып. 2, стр. 38.

(3) Памятн. нар. быта Болгаръ, изд. Каравелова, стр. 240 (кто найдетъ эту чашу, тотъ узнаетъ будущее, и чего бы ни пожелалъ онъ—все ему исполнится). Въ Германіи думаютъ, что на томъ мѣстѣ, гдѣ упиралась концомъ радуга, остается *золотой ключъ* или золотыя деньги (Deut. Myth. Гримма, стр. 695). Золотымъ ключемъ радуга какъ-бы отпираетъ дождевые источники.

(4) Этнограф. Сборн., вып. V, стр. 74.

дождя; давай солнышко, давай ведрушко!»—«Радуга-дуга! наливайсь дождя» или: «не пей нашу воду!» (1). У западных Славянъ существуетъ повѣрье, что вѣщица (вѣдьма) можетъ украсть и спрятать радугу, и чрезъ то произвести засуху.

б) *Радуга* = *коромысло*. На томъ-же основаніи, на какомъ радуга уподоблялась дугѣ или луку, уподобляли ее и *коромыслу*. На метафорическомъ языкѣ загадокъ коромысло изображается подъ видомъ *дуги* и *изогнутого моста* (то и другое представленіе усвоивалось и радугѣ); «два моря на *дугь* висять» (два ведра съ водою на коромыслѣ), или: «промежъ двухъ морей *гнутой мостикъ* лежитъ» (2). Валахи даютъ радугѣ названіе *curciben* (отъ Латин. *curvus*—кривой, изогнутой), которое Поттъ сближаетъ съ Русскимъ *коробить* (*коробъ*, *корыто*). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи вѣрятъ, что радуга есть блестящее коромысло, которымъ Царица Небесная (древняя богиня весны и плодородія = громовница; воспоминаніе о ней въ позднѣйшую эпоху двоевѣрный народъ слилъ съ именемъ Богородицы, именуемой Сербами *Ошешной Маріею*) почерпаетъ изъ всемірнаго студенца (окіанъ моря) воду, и потомъ орошаетъ ею поля и нивы (3). Это чудное коромысло хранится на небѣ, и по ночамъ видится въ блестящемъ созвѣздіи «Большой Медвѣдицы», какъ объ этомъ можно заключать изъ описательнаго названія, придаваемаго означенному созвѣздію въ Волынской губерніи: *Дивка воду несе* (4); въ Оренбургской губ. оно зовется *коромыслъ* (5). Можетъ быть, въ связи съ этими данными, надо искать объясненія и народной примѣты: «не шагай черезъ коромысло—судороги потянутъ».

(1) Архивъ историко-юрид. свѣдѣн. о Россіи, кн. II, полов. 2, стр. 135; Пословицы Рус. народа, Даля, стр. 1025.

(2) Этногр. Сборн., вып. VI стр. 39.

(3) Славян. Миѳол. Костомарова, стр. 55.

(4) Маякъ, 1844., т. XIV.

(5) Опыт. Обл. Велик. Словаря, стр. 90. Подобное же изображеніе коромысла съ ведромъ Скандинавы видятъ въ пятнахъ луны.

с) *Радуга* = *змѣй*. Въ началѣ одной Польской пѣсни, которая поется при появленіи радуги, говорится:

tęczo, tęczo, nie pij, wody
parobisz ty ludziom szkody.

Польск. *tęcza* (сравни у Линде Сорабск. *tuczēl, tūzza, tūza*) = радуга тождественно съ Церковно-славянск. *тѣча*, и даетъ поводъ думать, что то же самое представленіе пьющаго, вытягивающаго воду насоса, какое соединялось съ радугой, присвоивалось и *тучѣ*. Свидѣтельства, сохранившіяся въ старинныхъ толковыхъ словаряхъ, подтверждаютъ это до несомнѣнности. Такъ въ «Толкованіи неудобь-познаваемымъ рѣчамъ» (XIII в.) подѣ словомъ *смерчь* читаемъ такое объясненіе: «*пiавица, облакъ дѣждевенъ*, и же водѣ отъ морѣ възимаеть, *яко въ гѣбѣ*, и паки проливаеть на земля.» То же толкованіе вошло и въ словари Беринды и Зизанія: «сморщъ—оболокъ, который, съ неба спустившися, воду съ моря *смокчетъ*.» По замѣчанію г. Лавровскаго, свидѣтельства эти доказываютъ, что подобное «представленіе о радугѣ не есть первоначальное, а перенесено (на нее) отъ древнѣйшаго взгляда на облако, какъ на смерчь, пьющій воду изъ вмѣстилищъ ея на землѣ, чѣмъ, конечно, опредѣляется образованіе облаковъ изъ испареній, подымающихся на высоту съ земной поверхности» (1). Мы же думаемъ, что первоначальный источникъ преданія кроется въ представленіи молніи—змѣемъ, высасывающимъ дождевую воду изъ небесныхъ морей, озеръ, рѣкъ и колодцевъ (метафоры дождевыхъ тучъ); представленіе это, при забвеніи кореннаго смысла древняго метафорическаго языка, понято было буквально, какъ поглощеніе чудеснымъ змѣемъ земныхъ водъ, и совпало съ идеею крутящагося смерча. Далѣе, такъ какъ съ одной стороны сама дожденосная туча, по древне-арійскому воззрѣнію, уподоблялась змѣю, а съ другой стороны и радуга своею формою наводила на тоже сближеніе ея съ изгибающеюся небесною змѣею, то отсюда возникло представленіе

(1) Учен. Зап. II Отдѣл. Акад. Наугъ, кн. VII, вып 2, стр. 38—39.

о ней, какъ о гигантскомъ змѣѣ, пьющемъ моря, рѣки и озера, дугообразный хвостъ котораго блещетъ великолѣпными красками. Этотъ поэтический образъ встрѣчаемъ у Албанцевъ, Литовцевъ и Славянъ. Первые принимаютъ раду:у за змѣю, которая, спускаясь на землю, пьетъ воду, и по яркости ея цвѣтовъ судятъ о будущемъ урожаѣ винограда, маслинъ и пшеницы (1). У Литовцевъ радуга—*smakas*, въ Бѣлоруссiи *смокз*=змѣй, буквально: *сосунз*, что вполнѣ соотвѣтствуетъ вышеуказанному народному сравненiю радуги съ *насосомз*. Бѣлоруссы говорятъ: «*смокз* пьетъ воду изъ рѣкъ и озеръ, бо кабы жонъ не пиѣ воды, то вода бы насъ затопила» (2). Линде въ своемъ словарѣ приводитъ Винд. названiе радуги—*riauke*. Такое представлениe радуги змѣею находится въ связи съ другимъ уподоблениемъ ея—*поясу* (сравни: *ужз* и *ужище*, *ужз*—веревка, опояска).

d) *Радуга*=*кольцо*, *головная повязка*, *поясз*. Полукруглая форма радуги заставляетъ видѣть въ ней кольцо, обнимающее землю. Въ Баварiи называютъ ее *himmelring*, *sonnenring* (3); нѣкоторые увѣряютъ даже, что ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ обозначать ее настоящимъ именемъ, а чествовать прозванiемъ «небеснаго кольца», чтобы не подпасть власти дьявола (4). У Цыганъ, по свидѣтельству Потта, она именуется—божье кольцо (*dewlès-këri gùsterin*).

Роскошныя, блестящiя краски, которыми сияетъ радуга, заставили уподобить ее драгоценному убору, въ который наряжается божество неба. Такъ Караибы называютъ ее *головною повязкою* изъ разноцвѣтныхъ перьевъ (*federkopfputz*) или *бриллиантовою діадемою*, въ Лотарингiи—*courroie de S. Lienard* и *couronne de S.*

(1) Статья Потта въ *Zeitschrift für vergleich. Sprachforsch.* 1853 г., вып. VI.

(2) Извѣст. Акад. Наукъ по Отдѣл. Рус. языка и словесн., т. III, стр. 366.

(3) *Deut. Myth.*, стр. 695.

(4) *German.* Пфейфера, VII, 387.

Bernard, въ Литвѣ—*dangaus josta* (небесный поясъ) или *Laumês josta* (поясъ Лаумы) (1). Лаумы—облачныя дѣвы, властительницы грозъ, бурь и дождевыхъ ливней; по различному вліанію этихъ небесныхъ явленій, то благотворныхъ, то разрушительныхъ, Лаумы представляются частію свѣтлыми нимфами несказанной красоты, частію безобразными и демонически-злыми старухами. О Лаумѣ, владѣющей радужнымъ поясомъ, Литовское народное преданіе говоритъ, что она отличается обольстительной, чарующей красотою и обитаетъ въ облакахъ. Однажды, сидя на небесахъ—на своемъ алмазномъ тронѣ, увидала она на землѣ прекраснаго юношу, полюбила его, развернула свой блестящій поясъ—радугу, и сошла по немъ къ избраннику своего сердца. Плодомъ этого свиданія былъ ребенокъ, рожденный Лаумою; три раза въ день сходила она съ неба кормить его грудью, пока не узналъ про это Перкунъ (Окопирнасъ). Недовольный любовью небесной дѣвы къ смертному, Перкунъ схватилъ ребенка за ноги и забросилъ его въ отдаленныя высоты неба, гдѣ и остался онъ въ созвѣздіи *Sictinas*; у самой же Лаумы гнѣвный богъ отрѣзалъ груди, изрубилъ ихъ на мелкія части и разсѣялъ по землѣ. По этому белемниту, извѣстны у насъ и Нѣмцевъ подъ именемъ громовыхъ стрѣлокъ, въ Литвѣ называются *сосцами Лаумы* (*Laumês ráras*). Въ этомъ преданіи узнаемъ мы общій Индо-европейскій мифъ о томъ, какъ въ періодъ весеннихъ грозъ богъ-громовникъ преслѣдуетъ въ любовномъ экстазѣ полногрудыхъ облачныхъ нимфъ, быстро убѣгающихъ отъ его губительныхъ объятій, разить ихъ своими молніеносными стрѣлами, и проливая на землю молоко-дождь, разноситъ на части летучія облака-груды (2). Желая пояснить себѣ эту вражду

(1) Статья Потта и *Deut. Myth.*, Гримма, стр. 695—6.

(2) Уподобленіе дождя—молоку и дождевыхъ тучъ—женскимъ грудямъ принадлежитъ къ наиболѣе-распространеннымъ поэтическимъ образамъ Арійскихъ племенъ; но мы не можемъ останавливаться здѣсь на этихъ любопытныхъ метафорахъ, и просимъ принять ихъ на вѣру.

Перкуна къ Лаумѣ, народъ, давно позабывшій первоначальный смыслъ сказанія, добавилъ его сравнительно-позднѣйшею чертою о любви небесной нимфы къ смертному. Еще доселѣ Литвинъ, увидя радугу, говоритъ, что Лаума распустила свой кушакъ и кокетливо прельщаетъ боговъ и смертныхъ. Издалѣка блеститъ она своимъ поясомъ и какъ-бы манитъ къ себѣ; но какъ скоро захочетъ кто-нибудь къ ней приблизиться, Лаума тотчасъ-же скрываетъ, прячетъ свой поясъ (1). Древнiе Галлы почитали радугу поясомъ бога Гу, побѣдителя великановъ (тучь), владыки водъ (дождей) и покровителя земледѣлiя, который раздѣлжалъ по небу на колесницѣ изъ солнечныхъ лучей. Болгары разсказываютъ о радугѣ, какъ о поясѣ Пресв. Дѣвы или мнѣической святой Недѣлки. «Не тѣчено, не вапцвано, не шарено, не прѣдено, а пошарено отъ *Богородичини-ятъ потесъ*» выражается Болгарская загадка о радугѣ (2). Представленiе радуги поясомъ не чуждо и нѣкоторымъ другимъ народамъ. Поттъ указываетъ, что у Турковъ и даже въ Африкѣ радугѣ даются названiя, означающiя: «шарфъ божiй», «небесный поясъ» (3).

е) *Радуга=мостъ*. Выше мы указали, что съ радугою соединялась поэтическая метафора «небесной арки»; то же воззрѣнiе сказалось и въ древне-германскомъ уподобленiи радуги—чудесному *мосту*, перекинутому легкимъ сводомъ съ неба на землю. Эда называетъ радугу *A s b g ū* (*Asehbūske*): это лучшiй изъ всѣхъ мостовъ въ свѣтѣ, онъ крѣпко созданъ изъ трехъ цвѣтовъ, и свѣтлые боги (асы) переѣзжаютъ по немъ на своихъ коняхъ подобно тому, какъ и Литовской Лаумѣ радужный поясъ ея

(1) Москвитян. 1846 г., № 11 и 12, стр. 247—8; Черты изъ истор. и жизни Литовск. народа, стр. 88.

(2) Изъ рукописнаго Сборника г. Каровелова.

(3) Калевала упоминаетъ о поясѣ, который выпряденъ дочерью солнца и сотканъ дочерью мѣсяца (Главн. черты изъ древн. Финск. поэмы, Эмана, стр. 33). У Самоѣдовъ радуга—край плаща, въ который облекается Нумъ, небесный владыка грома, молнiй, дождя, снѣга и вихрей (Вѣстн. Русск. Географ. Общ. 1856 г., кн. V, стр. 66, статья Кастрена).

служить мостомъ для нисхожденія съ небесныхъ высотъ на землю. Одинъ конецъ этого моста достигаетъ Himinbiörg' a (=himmelsberg, т. е. небснаго свода), жилища бога Геймдалля (Heimdallr), который приставлень оберегать мостъ отъ демоническихъ великановъ тучъ и тумановъ (hrimthursen и bergriesen), чтобъ они не вторглись чрезъ него въ свѣтлое царство боговъ. Но при кончинѣ міра, когда поѣдутъ чрезъ него злобные сыновья Муспелля (Muspell=weltfeuer), мостъ разрушится (1). Болгарское преданіе утверждаетъ, что до всемірнаго потопа не было радуги; когда же земля осушилась и Ной принесъ Богу жертву, то Господь обѣщаль ему, что потопа не будетъ до втораго Христова пришествія, и во свидѣтельство далъ радугу и изрекъ: «пока сіяетъ на небесахъ радуга—до тѣхъ поръ не бойтесь, а когда не станетъ радуги—это будетъ знаменіемъ, что близится день страшнаго суда». (2) Въ старинныхъ рукописныхъ сборникахъ апокрифическаго содержанія говорится: «дугу же сотвори Богъ по потопѣ» (Полууставн. сборникъ 1531 г.) (3); «по потопѣ знаменіе положи Богъ на небеси—дугу, еже второму потопу не быти» (4).

Преданія эти, очевидно, образовались подъ непосредственнымъ вліяніемъ Ветхозавѣтнаго сказанія (Бытія, гл. IX), что Господь, установляя союзъ свой съ Ноемъ и его сѣменемъ, далъ радугу «во знаменіе завѣта»; но съ этимъ библейскимъ сказаніемъ суевѣрный народъ слилъ свои старинныя представленія. Суровое время зимы языческой миѣ почиталъ эпохою владычества враждебныхъ и нечистыхъ силъ, весенніе разливы и грозы, сопровождаемые дождевыми ливнями, изображалъ въ гран-

---

(1) Deut. Myth., стр. 213, 694.

(2) Памятн. нар. быта Болгарь, Каравелова, стр. 240.

(3) Памятн. Отреч. Рус. литерат., т. II, стр. 350.

(4) Памятн. Стар. Рус. литер., вып. III, стр. 173 (Бесѣда трехъ Святителей).

діозной картинѣ міроваго потопа, а являющуюся весною вслѣдъ за дождями радугу признавалъ знаменіемъ возрожденія природы, грядущаго лѣта, осушающаго поля и нивы, и благодатнаго союза неба съ землею—царства боговъ съ юдолюю смертныхъ. Съ приходомъ зимы пропадаетъ—рушится небесная дуга и жизнь замираетъ, или, говоря мнѣическимъ языкомъ, настаетъ кончина міра.

Представленіе радуги—мостомъ не чуждо и Славянамъ, какъ можно заключать изъ указаній сказочнаго эпоса. Красавица-царевна, принадлежащая къ разряду облачныхъ нимфъ, влюбляется въ прелестника Змѣя Горыныча (демоническій типъ громовника). Но сойтись имъ трудно: ихъ раздѣляетъ широкая огненная рѣка, соотвѣтствующая извѣстному адскому потоку. Царевна ухитряется: она добываетъ волшебное *полотенце*, бросила его—и въ ту же минуту полотенце раскинулось и повисло черезъ рѣку высокимъ красивымъ мостомъ (¹). Или, по другому разсказу: скачетъ Иванъ-Царевичъ отъ Бабы-Яги, доѣзжаетъ до огненной рѣки, —махнулъ три раза *платкомъ* въ правую сторону—и откуда ни взялся, повисъ черезъ рѣку дивный мостъ; переѣхалъ на другой берегъ,—махнулъ платкомъ въ лѣвую сторону только два раза,—и остался мостъ тоненькой-тоненькой! Бросилась Баба-Яга по мосту, и какъ добралась до середины—мостъ обломился и она утонула въ водѣ (²). Тоже волшебное дѣйствіе придается сказками и *полотенцу*: махнешь однимъ концемъ—явится мостъ, а махнешь другимъ—мостъ пропадаетъ. Этотъ сказочный мостъ-полотенце совершенно тождественъ съ мостомъ-поясомъ Лаумы.

(¹) Нар. Рус. Сказки, вып. V, № 28; вып. VI, № 52.

(²) Нар. Рус. Ск., вып. VI, № 5, а; вып. VIII, № 8.

f) *Радуга* = *престолъ*. Словенцы называютъ радугу *boshij stol (stolez)* — божій престолъ, подобно тому, какъ Кельты почитали ее сѣдалищемъ богини Церидвены (1); а въ Калевалѣ упоминается красавица, дочь Лоухи, которая возсѣдаетъ на радугѣ, какъ на скамейкѣ (2).

---

(1) Deut. Myth., стр. 695.

(2) Поттъ указываетъ разныя названія, усвоенныя радугѣ вслѣдствіе тѣхъ сближеній, на которыя наводили ея блестящіе цвѣта: такъ на островѣ *Wangerog* называютъ ее *wédergal* = *wettergalle (galle—жолчь)*, а у Якутовъ, по свидѣтельству Бётлинга, дается ей совсѣмъ уже не эстетическое названіе *fsassyl ĩgä* (= *fuchsharn, лисья моча*), которое ничѣмъ иначе нельзя объяснить, какъ сближеніемъ радужныхъ цвѣтовъ съ тѣми желтыми слѣдами, какія оставляютъ лисицы на снѣгу.

2007053953